

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.7

EDN: LZBJBL

А.Н. МАЛИНКИН

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «ЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ» А.А. ЗИНОВЬЕВА: РЕКОНСТРУКЦИЯ И АНАЛИЗ

Аннотация. В статье реконструируется и анализируется социально-антропологический аспект «логической социологии» А.А. Зиновьева (1922–2006). Основные положения его социально-антропологических взглядов формулируются в виде четырех тезисов. Первым в качестве отправного пункта в построении социальной теории полагается двуединство индивида и социума («социального атома» и «человейника»). Вторым утверждается наличие у каждого народа своего особого характера. Третьим декларируется двусторонняя зависимость характера народа и социальных условий его жизни. Четвертым провозглашается существование двух социально-антропологических типов: «западоидов» и «homo soveticus’ов» — как результатов развития двух направлений социально- и культурно-исторической эволюции западноевропейской цивилизации. В заключении автор высказывает собственное мнение о социально-антропологических взглядах Зиновьева и о причинах его пессимизма в отношении будущего постсоветской России.

Ключевые слова: А.А. Зиновьев; «человейник»; качество «человеческого материала»; характер народа; социально-антропологический тип; «западоид»; «homo soveticus»; коммунальный индивид; западнизм; коммунизм.

Для цитирования: Малинкин А.Н. Социально-антропологический аспект «логической социологии» А.А. Зиновьева: реконструкция и анализ // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 128–145. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.7) EDN: LZBJBL

А.А. Зиновьев (1922–2006) — выдающийся советский и российский логик, методолог науки, писатель, автор многочисленных публикаций в созданном им жанре «социологических романов», а также социологических исследований коммунистического и западного обществ. В своем итоговом социологическом трактате «Логическая социология» (2002) [6] он выдвинул уникальную в истории советской и российской социальной мысли доктрину теоретической социологии. Она разработана с позиций неопозитивизма и в методологическом плане основывается на логической обработке языка социальной науки. В содержательном плане

в «Логической социологии» затрагивается большой круг тем, предлагаются оригинальная трактовка исторически новых социокультурных реалий и собственные решения проблем гуманитарных и социальных наук конца XX – XXI в.

В данной статье мы рассмотрим лишь один из аспектов «логической социологии» — социально-антропологический. Эта тема выделяется среди прочих особой значимостью. Социально-антропологический мотив появляется в самом начале «Логической социологии». Там он еще скрыт за абстрактными формулировками и малозаметен. Но уже в первой трети трактата социально-антропологическая тема выходит из кокона абстрактных формулировок, получает конкретное терминологическое выражение и концептуальное звучание. Пройдя через понятийную метаморфозу (о ней будет сказано ниже), она становится лейтмотивом, постепенно набирает силу и в последних девяти главах поднимается до мощного крещендо. Но от метафор и общих слов перейдем к реконструкции и анализу.

«Социальный атом» и «человейник»

«Логическая социология» представляет собой социально-научную теорию, или научно-теоретическую социологическую доктрину. Она начинается с констатации, что сфера изучения социальных объектов, то есть вся предшествующая социологическая мысль, отечественная и западная, находится на донаучном уровне¹. Чтобы подняться на научный уровень познания (в терминологии Зиновьева, «логический»), необходимо осуществить, как он утверждает, логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают обо всех «социальных объектах», а также осуществить логическую обработку методов исследования этих объектов. Такую обработку языка и методов Зиновьев называет собственно логической социологией. Ее главные цели: создать «методологическую основу для научного подхода к социальным объектам» [6, с. 12] и открыть «социальные законы» [6, с. 21–30].

Принципы научного мышления и подхода к исследованию Зиновьев детально описывает во многих публикациях. Кратко он сформулировал их (через противопоставление идеологическому способу мышления) так: «...непредвзятость, беспристрастность, объективность, профессиональность, логичность и диалектичность. Идеологический способ мышления является с этой точки зрения антиподом научного» [6, с. 143] (курсив наш. — А. М.). Несколько Зиновьеву удалось реализовать свою концепцию «логической социологии», вопрос далеко не простой, он заслуживает рассмотрения в отдельной статье и выходит за рамки нашей работы.

«Логическая социология» Зиновьева изучает «социальные объекты». Последние — это «человеческие объединения», объединения людей. Они, как пишет Зиновьев, многочисленны и разнообразны. «Логическую основу для их систематического обзора дает выделение и анализ объединения такого типа, которое я называю человейником», — пишет он [6, с. 40]. Таким образом, «человейник» оказывается основополагающим, системообразующим понятием «логической социологии». Но что такое «человейник»? Зиновьев дает определение этого понятия

¹ Более подробно Зиновьев представил свое видение актуального состояния социальных исследований в работе «На пути к сверхобществу» [5, с. 3–9].

через перечисление ряда признаков, которые отличают «человейника» от различных скоплений людей, их соединений, группировок и т. п. как явлений внутри самого «человейника». Перечислим эти признаки.

1. «Члены человейника живут совместно исторической жизнью, то есть из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей».

2. «Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человейника».

3. «Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человейнике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человейника».

4. «Члены человейника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человейника».

5. «Человейник занимает и использует определенное пространство (территорию)…».

6. «...обладает относительной автономией в своей внутренней жизни...», «...производит или добывает средства существования...».

7. «...защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию».

8. «Он обладает внутренней идентификацией, то есть его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих».

9. «Он обладает также внешней идентификацией, то есть люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человейника осознают их как чужих» [6, с. 40].

Свой первый и главный социально-антропологический тезис о социальной сущности человека, о его природной (естественной) социальности Зиновьев формулирует так: «Человек в качестве социального атома возникает и существует лишь как член человейника, а человейник — лишь как объединение людей в этом качестве» [6, с. 41]. Эта, казалось бы, простая формулировка *implizite* заключает то, что Зиновьев называет «объективной диалектикой» или «диалектикой бытия» [6, с. 29–38]: реальное двуединство, перманентно воспроизводящееся через борьбу двух противоположностей — «социальных атомов» и «человейника» как единого целого.

Очевидно, что смысловое содержание понятия «человейник» прямо связано с культурно- и социально-антропологической проблематикой. Отчасти оно перекликается с тем смыслом, который Ф. Тённис вкладывал в понятие «жизненная общность», проецируя его на такие социальные реалии, как семья, род, клан, крестьянская община, племя. Зиновьев косвенно признает это, когда объясняет, что такое «человеческий материал». Члены «человейника» есть его «человеческий материал», пишет он. «Люди суть биологические существа. <...> Происходит регулярное воспроизводство человеческого материала. <...> Биологический механизм воспроизводства человеческого материала и его разрастание является исторически исходной и фундаментальной формой человеческого материала человейника. Это — семьи, их разрастание, роды, племена, союзы родов и племен» [6, с. 42].

Управляющий орган «человейника», продолжает Зиновьев, образует один человек, воплощающий в нерасчлененном виде все функции «мозга» объединения. Прочие члены объединения в столь же недифференцированном виде воплощают функции «тела». Все совместно занимаются воспроизведством и обучением «человеческого материала». Это, по выражению Зиновьева, «одноклеточный» «человейник». За тысячелетия образовались современные гигантские «человейники», состоящие из миллионов человек. Сложнейшая структура «многоклеточных» «человейников» стала следствием роста числа людей и сформировалась в результате действия множества социальных законов, утверждает он.

«Человейник» характеризуется вещественным материалом («материальной культурой»), из которого он строится, и своей социальной организацией, продолжает Зиновьев. «Материал человейника образуют социальные атомы (люди) и все то, что создается и используется ими для существования, — орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления. Будем называть это материальной культурой. <...> Объектом внимания становится организация материала — социальная организация людей как социальных атомов. Так что логическая социология может считаться теорией социальной организации человейников» [6, с. 41] (курсив наш. — А. М.).

Качество «человеческого материала» и «характер народа»

Второй социально-антропологический тезис Зиновьева представляет собой постулат о наличии у каждого народа особого характера.

«Народ», в понимании Зиновьева, есть новый уровень «человеческого материала», соответственно, новый уровень социальной организации «человейника», более высокий по сравнению с «одноклеточным» «человейником» и даже племенем или союзом племен, — это «объединение социобиологическое, хотя и возникающее из биологического материала, но возникающее и живущее по социальным, а не по биологическим законам»² [6, с. 42]. В силу длительного совместного существования в человеческом объединении, которое складывается в единый народ, вырабатывается единый язык, продолжает Зиновьев, устанавливаются личные контакты и деловые связи, формируются бытовые традиции, образовательные учреждения, браки заключаются главным образом внутри него. Люди проводят почти всю жизнь в этой среде. «Образуются некая единая человеческая масса и среда, воспроизводящаяся в более или менее устойчивом виде из поколения в поколение. Люди оказывают влияние друг на друга, приспосабливаются к общим для них условиям бытия. Изобращаются средства искусственного воздействия на людей, вынуждающие их быть средне-нормальными представителями целостности. Формируется то, что можно назвать характером этого феномена именно как целого, характером этого народа» [6, с. 42] (курсив наш. — А. М.).

² «Игнорирование этого (на мой взгляд, банального) обстоятельства, — пишет Зиновьев, — служит логическим основанием для непомерно усложненных гумилево-образных мистификаций феномена народа» [6, с. 42].

Зиновьев выделяет две группы отличительных признаков народа. К первой он относит признаки, характеризующие народ «как множество людей». Имеется в виду социально-демографический состав народа. Люди разделяются на различные категории: возрастные, половые, этнические, по роду занятий и т. д., подсчитываются величины и пропорции этих категорий. Несводимость таких признаков к признакам отдельных людей очевидна, констатирует Зиновьев. Ко второй группе он относит признаки, характеризующие народ как целое, то есть «как единое существо, отвлеченно от его разделения на отдельных людей и их группы». «При этом народ рассматривается по тем же признакам, что и отдельные люди, — с точки зрения интеллекта, творческих потенций, смелости, предпримчивости, жестокости, доброты, склонности к панике и предательству, стойкости, чувства собственного достоинства, общительности, сдержанности, степени организованности и других социально значимых признаков» [6, с. 42] (курсив наш. — А. М.).

Характер народа включает комплекс признаков, черт, свойств, которые распределены между различными представителями народа в различных комбинациях, пропорциях и величинах, подчеркивает Зиновьев. В большом народе можно обнаружить все возможные варианты, тогда как индивид, обладающий всем комплексом этих признаков и к тому же в развитой форме, в действительности существовать не может. В комплекс признаков народа могут входить такие, которые окажутся несовместимыми в характере отдельно взятого индивида. Но как же выяснить, какой именно характер у того или иного народа?

«Характер того или иного конкретного народа выясняется опытным путем, — заявляет Зиновьев. — Причем до сих пор это делается лишь на уровне обыкновенного сознания. Чаще это делали и делают писатели и иностранные наблюдатели — народы сами правду о себе не любят» [6, с. 44] (курсив наш. — А. М.). Можно согласиться с Зиновьевым: действительно, не любят. Но писатели, особенно поистине великие — например, такие как И. Гёте, Ф. Шиллер у немцев, Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов у нас, У. Шекспир, Ч. Диккенс в Англии, Дж. Лондон, М. Твен в США, — на наш взгляд, в целом правдиво описывают характеры своих народов, хотя в силу самой специфики художественно-литературного творчества преувеличивают их достоинства или недостатки. Впрочем, последнее достаточно очевидно и легко учитывается.

А вот насколько могут быть правдивы суждения иностранных наблюдателей о характере чужого им народа — всегда большой вопрос. Нередко в них просматривается склонность идти на поводу индивидуально-личных вкусов, симпатий и антипатий либо нежелание понимать другой народ, мотивированное ксенофобией. Следствием ксенофобии оказываются предвзятость, злопыхательство, ложь, клевета. Классическим примером русофобской клеветы являются мемуары А. де Кюстина. Критикуя самодержавный строй России Николая I, он комментирует найденное им у Н.М. Карамзина письмо 300-летней давности барона Герберштейна, посла императора Максимилиана при великом князе Василии Ивановиче таким образом: «Я не знаю, характер ли русского народа создал таких властителей, или же такие властители выработали характер русского народа. <...> Но мне все же кажется, что здесь налицо обоюдное влияние. Нигде, кроме России, не мог бы возникнуть подобный государственный строй, но и русский народ не

стал бы таким, каков он есть, если бы он жил при ином государственном строе. <...> Да, можно сказать, что весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания» [9, с. 72, 73]³.

Иногда, продолжает Зиновьев, предпринимались попытки специального изучения характера народа, главным образом когда планировалось его покорение. Так, немцы перед нападением на Советский Союз в 1941 г. изучали характер народов, его населявших, особенно русского народа. В подтверждение слов Зиновьева укажем на исследование Альфреда Розенберга «Миф XX века». Человек далеко не глупый и образованный, он не смог пробиться через пелену нацистских идеологических иллюзий к правде о русском человеке, превратно истолковал Достоевского и стал жертвой самообмана. «В 1917 г. с “русским человеком” было покончено, — писал идеолог Розенберг. — Он распался на две части. Нордическая кровь проиграла войну, восточно-монгольская мощно поднялась, собрала китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству, и калмык-татарин Ленин стал правителем. <...> Смердяков управляет Россией <...> Большевизм у власти мог оказаться в качестве следствия только внутри народного тела, больного в расовом и душевном плане, которое не могло решиться на честь, а только на бескровную “любовь”» [12, с. 157] (курсив наш. — А. М.).

На Западе в период холодной войны характер народов СССР, прежде всего русского, изучался советологами в еще больших масштабах, констатирует Зиновьев. Результаты этого изучения эффективно использовались западным миром в идеологической борьбе против СССР, отмечает он. «В наше время изучение характера народов, включая точные количественные измерения и вычисления, становится жизненно важным делом. Печальный опыт Советского Союза после 1985 г. может служить классическим примером того, что произойдет со страной, если ее руководители в своей реформаторской деятельности не считаются с характером человеческого материала своей страны» [6, с. 44].

Как Зиновьев предлагает изучать то, что называет «характером народа»?

«Для измерения величин, определяющих характер народов, необходимо изобрести особые средства измерения и вычисления, — заявляет он. — Это должны быть особые тесты (эталоны), подобные тем, какие уже применяются социологами для других целей, а также логико-математическая обработка определенным образом отобранных и собранных статистических данных. Характеристики народа нельзя точно оценить путем приведения примеров выдающихся личностей и событий из истории этого народа» [6, с. 45] (курсив наш. — А. М.). Здесь с приверженцем строго научной социологии, каким был Александр Александрович, можно спорить.

На наш взгляд, в деле изучения характера народа, его ценностей, его души или ментальности не стоит целиком полагаться на результаты применения различных инструментов из арсенала эмпирической социологии, равно как и на логико-математическую обработку собранных данных. Конечно, какую-то информацию об этих нематериальных реалиях они несут. Но способны ли мы точно узнать, какую именно? Ведь здесь одна проблема незаметно подменяется другой: как превратить *количественную информацию в основанное на понимании качественное знание* о том, что называется «характером народа»? Между тем Зиновьев сам не

³ Ср. третий социально-антропологический тезис Зиновьева.

раз критиковал «террор эмпиризма»⁴. Более того, как увидим ниже, для описания качеств «человеческого материала», из которых в конечном счете складывается характер различных народов, ему самому не потребовались ни тесты, ни логико-математическая обработка статистических данных.

В конце XX — начале XXI в. возникли сложные социальные проблемы, решение которых зависит от фактических качеств и потенций народов, продолжает Зиновьев. «Тут отделаться идеологической демагогией, будто способности людей и народов универсальны, одинаковы у всех и безграничны, уже нельзя, — справедливо утверждает он. — *Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предпримчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления, в экономике, в владении современной технологией и т. д.* Опыт человечества на этот счет несомненен, закрывать на него глаза из страха обвинений в расизме значит сохранять идеологические заблуждения другого рода» [6, с. 45] (курсив наш. — А. М.).

Характер народа, продолжает Зиновьев, формируется «путем поощрения одних природенных способностей людей и препятствования другим». Этот процесс он считает «искусственным». Отчасти это так, но лишь отчасти. В действительности социокультурная (воспитательная) селекция, как правило, не есть следствие произвольных решений и желаний руководителей народа, но является реакцией на типичные для данной страны естественные процессы (например, природно-климатические), а также геополитически вынужденные (например, войны с агрессивными соседними племенами и народами). Однако верно, что «искусственный отбор индивидов с определенными природными способностями» детерминирован социальными, а не биологическими законами. Складывается механизм сохранения народного характера и передачи его от поколения к поколению, который является важнейшим компонентом механизма самосохранения народа, подчеркивает Зиновьев. Этот механизм «социальной наследственности», по его мнению, «содержит в себе в снятом виде механизм биологической наследственности». Главными в нем являются «система воспитания, культура, идеология, религия, моральные нормы и другие социальные факторы» [6, с. 46] (курсив наш. — А. М.).

Нельзя не согласиться с Зиновьевым в том, что касается понимания характера народа как определенной индивидуальной целостности, которая исторически устойчива, несмотря на постоянные изменения социокультурных реалий. «Народы исторически изменяются, но в рамках одного и того же характера. — пишет он. — Характер народа устойчив и даже консервативен. Изменение его сверх меры ведет к его разрушению и к разрушению его носителя как единого этнического образования. Если он разрушается, восстановить его можно с таким же успехом, как оживить мертвого. <...> Если нарушаются границы адекватности характера народа условиям его существования, наступает кризисная ситуация, упадок народа и даже его историческая гибель. Думаю, что такая ситуация наступила для русского народа после антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы» [6, с. 46].

⁴ «Эмпирические методы социальных исследований стали не столько методами научного познания, сколько методами пропаганды и оболовивания масс» [5, с. 7]. Нашу позицию в отношении научного познания качественных аспектов социальной реальности, среди которых выделяются прежде всего ценности, мы изложили в работе [10].

Двусторонняя зависимость характера народа и социальных условий жизни

Третий социально-антропологический тезис Зиновьева состоит в утверждении двусторонней (обоюдной) зависимости характера народа и социальных условий жизни. Сложившись, механизм социальной наследственности «вынуждает народ приспосабливать сами условия жизни к своему характеру», — утверждает он [6, с. 46]. Более определенно автор высказывает об этом, когда вводит концептуально важные понятия «социальная организация» и «тип социальной организации». В контексте логической социологии они выступают аналогами таких понятий, как «общественный строй», «социальный строй», «общественное устройство», «социальная система» и т. п. Иногда Зиновьев сам использует перечисленные понятия, подразумевая при этом «социальную организацию» или «тип социальной организации».

Принято считать, пишет Зиновьев, что социальная организация «человека» влияет на характер народа, обладающего такой организацией. Это правда, поскольку люди приспосабливаются к условиям своего социального бытия. «Но столь же верно и то, что *люди сами в какой-то мере приспосабливают условия своего бытия к своим качествам, — люди определенного типа создают соответствующий их характеру тип социального устройства*. Тут зависимость двусторонняя, — пишет Зиновьев⁵. — А между тем вторая часть истины не только не общепризнана, а, скорее, обще-отвергнута. *Признание роли человеческого фактора в формировании и развитии социальных систем является табу и расценивается как расизм*. Смысл этого табу очевиден. Западная идеология стремится убедить всех, будто социальный строй западных стран является наилучшим и годится для всех стран и народов без исключения. Она не может допустить даже намека на то, что для каких-то народов коммунистический строй предпочтительнее, что он лучше соответствует их природе. Еще недавно коммунистическая идеология стремилась навязать человечеству убеждение, будто коммунистический социальный строй пригоден для всех народов» [6, с. 65–66] (курсив наш. — А. М.).

Социальный строй западных стран, подчеркивает Зиновьев, создавался, сохранялся и завоевывал себе место на планете не абстрактными человеческими существами, а конкретными народами. «Аналогично коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря характеру русского народа» [6, с. 66]. Когда социальный строй определенного типа складывается у какого-то народа, он может быть заимствован другими народами или навязан им извне силой. «Но когда речь идет об исторически первом или спонтанном возникновении того или иного социального строя, оно было бы *невозможно без определенных качеств человеческого материала*. <...> *Убеждение, будто различные типы социальных систем суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может пройти эти ступени в своей имманентной эволюции, есть предрассудок*» [6, с. 66, 67] (курсив наш. — А. М.).

⁵ Эту мысль, полемизируя с К. Марксом, Зиновьев высказал еще в 1980 г., правда, в несколько иной форме: «Люди сами суть продукт истории и как таковые обладают такими свойствами, которые не зависят ни от каких социальных преобразований и от которых, наоборот, зависят возможности самих этих преобразований» [3, с. 16].

Среди многочисленных «аспектов» «человейника» Зиновьев особо выделяет четыре: «деловой» (связанный с производством) и *коммунальный* (связанный с общением). В западных обществах преобладает деловой аспект, в коммунистических — коммунальный. Они сосуществуют в одном измерении, постоянно друг с другом взаимодействуя⁶. В другом измерении находятся и аналогичным образом взаимодействуют два других аспекта «человейника»: *телесный* и *ментальный*. Зиновьев оговаривается: это именно всего лишь аспекты, во всех социальных объединениях они сосуществуют. Ментальный аспект превращается в обществах и сверхобществах в «*идеосферу*» как необходимый компонент социальной организации, связанный с необходимостью идейно-ценостного направления сознания людей и управления им с целью сохранения единства и сплоченности социума.

Зиновьев выделяет в «человейниках» три уровня: микроуровень, макроуровень и сверхуровень⁷, рассматривает общества западного и коммунистического типов на каждом из них. Поскольку эти структурные особенности «человейника» не имеют *прямого* отношения к социальной антропологии, не будем заострять на них внимание. В плане рассматриваемой нами темы важнее другой вопрос: чем мотивировался выбор Зиновьевым основания для деления «человейников» на два указанных выше типа? При том что он был обусловлен объективными социально- и культурно-историческими процессами в современных обществах и миропорядке в целом, на наш взгляд, в нем явно отразились личные исследовательские интересы Зиновьева.

«Западоид» и «*homo soveticus*» как социально-антропологические типы

Четвертый социально-антропологический тезис Зиновьева состоит в утверждении о существовании двух социально-антропологических типов.

Разумеется, речь идет об идеальных типах, рациональных конструкциях как составных элементах той *логической модели* реальной истории и миропорядка XX — начала XXI в., которую выстраивает Зиновьев. Оба они — порождения

⁶ О способе их взаимодействия в каждом большом и развитом обществе Зиновьев ранее писал так: «Западноземлье есть единство этих аспектов, в исторически исходном пункте и в основах которого доминирующую роль играет деловой аспект, а коммунизм есть единство этих аспектов, в исторически исходном пункте и в основах которого доминирующую роль играет коммунальный аспект. Это доминирование означает, что в одном случае законы делового аспекта оказывают самое сильное влияние на все жизненно важные явления общества, а в другом — законы коммунального аспекта. При этом явления одного аспекта принимают формы другого, становятся средством другого» [4, с. 228].

⁷ Терминология Зиновьева изобилует понятиями с приставкой «сверх-». Чтобы пояснить их смысл, приведем общую дефиницию понятий такого рода. «Социальный объект А, — пишет Зиновьев, — я называю сверхобъектом по отношению к социальному объекту В и употребляю при этом выражение “сверх В”, если и только если объект А содержит в себе в “снятом” виде основные признаки объекта В и, сверх того, обладает признаками, выходящими за рамки В. В сверхобъекте А можно, таким образом, различить две части: 1) базисную, в которую входят свойства объекта В, содержащиеся в А в “снятом” виде; 2) надстроечную, в которую входит то, что не входит в базисную часть, но вырастает на ее основе. Эта надстроечная часть образует новый эволюционный уровень, новое качество, отличающее А от В именно в эволюционном плане» [6, с. 206]. Ключевые слова здесь: «базис», «надстройка», «в “снятом” виде», «новое качество». Они отсылают к одному из принципов научного способа мышления, принятому Зиновьевым, — *диалектичности* — и указывают на неомарксистские предпосылки его теоретической социологии.

западноевропейской цивилизации, двух тенденций, «линий» в ее эволюции: «западнистской (или американской)» и «коммунистической (или советской, или русской)» [6, с. 203]. Оба являются результатами практического осуществления двух антропологических проектов, сформировавшихся в лоне этих тенденций. Речь идет, с одной стороны, о «западоиде», а с другой — о «*homo soveticus'e*», или «гомо советикусе», или просто о «гомососе» (так Зиновьев назвал коммунистический тип человека, прежде всего русского, в одном из своих социологических романов⁸). «Западнизм и коммунизм возникли как антиподы и вместе с тем как конкурирующие варианты эволюции человечества. Они оба шли в одном и том же направлении эволюции, во многом уподобляясь друг другу настолько, что ряд западных теоретиков выдвинули концепцию их сближения. Каждый из них содержал какие-то элементы и потенции другого. Но в силу их противостояния в них получили преимущественное развитие противоположные черты» [6, с. 203].

Другой социально-антропологический термин, который Зиновьев использовал в своем исследовании советского общества «Коммунизм как реальность»: «*простейший коммунальный индивид*», или просто «*коммунальный индивид*». Это такой индивид, который плывет по течению «*коммунальности*» с ее социобиологическими законами, согласно которым выживает сильнейший, хитрейший, подлейший. Термин «*коммунальность*» также характеризует этос советского человека. Зиновьев дает развернутое (отметим: нелицеприятное) описание типичной жизненной стратегии, типичного способа социального поведения советского человека, как он его понимает [3, с. 66–68]. «Человек от природы не есть ни злодей, ни добряк, — резюмирует он. — Но если человеку нужно сделать что-то в силу фундаментального принципа его коммунального бытия и он может сделать это безнаказанно, он это сделает, вернее, в нем самом по себе нет никаких ограничителей, препятствующих осуществлению такого рода действий. С этой точки зрения человек есть на все способная тварь» [3, с. 67]⁹.

«С учетом такого определения “человека” может показаться, что Зиновьев — убежденный мизантроп, — пишет Л.В. Поляков. — Однако следует помнить, что понимание исключает эмоцию и оценку. Зиновьев всего лишь констатирует, что в до-моральном, до-цивилизованном состоянии “человек” есть “коммунальный индивид”, и управляет им принцип, сформированный в ходе его “биологической эволюции”. И человек “не в силах отменить его. Он способен преодолеть его, только подчиняясь ему”» [11, с. 81–82]. Что же это за парадоксальная зиновьевская социальная диалектика? Как советский человек мог стать «цивилизованным», подчинившись нецивилизованным законам «коммунальности»?

Поляков показывает, что социальное целое («коммуна», ибо коммунистическое общество состоит из коммун) — трудовой коллектив, партия, общественная организация и др., — состоящее из «коммунальных индивидов», готовых на любую мерзость, приобретает новое добродетельное качество (псевдоморальности), поскольку внутри него происходит взаимное погашение эгоистических пополз-

⁸ Зиновьев и себя объявил «гомососом» (правда, устами героя своего «социологического романа») [2, с. 7]. В «Логической социологии» такого термина нет.

⁹ Приходят на ум слова Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено». Зиновьев исходит из того, что советский простой человек («коммунальный индивид») — такой же безбожник, как и он сам.

новений каждого индивида в отдельности [11, с. 82–84]. Фигурально выражаясь, клин вышибается клином, минус на минус дает плюс. В этом смысле коллектив действительно воспитывает. Такова специфика зиновьевского понимания знаменитого «коллективизма» советского человека.

А.С. Ушаков полагает, что Зиновьев противопоставляет «логику человека — участника общества реального коммунизма» «логике социальной атомизации и доминирования эгоистических мотивов». «Тут у Зиновьева открывается пространство ценностного подхода, который преодолевает узы социологического описания и привносит нотку антропологического оптимизма, — пишет он. — Оказывается, общество может быть выстроено на основаниях, глубоко противоречащих персональному эгоизму. Общество реального коммунизма не только бросает вызов привычным устоям “человейника”, но и преодолевает главное описание человека как участника социума. Индивидуальный эгоизм оказывается характерным только для обществ, которые предшествовали сверхобществу реального коммунизма. В рамках идеологии этого общества развивается новая линия участника общественного устройства. По сути, общество реального коммунизма требует нового социологического описания. И это социологическое описание возникает как описание общества “коммунистических ангелов”»¹⁰ [15, с. 151].

Однако в фокусе внимания автора «Логической социологии» находятся не «коммунальные индивиды» и «коммунизм», но «западоиды» и «западнизм». Именно эти социально-антропологические понятия лежат в основе тех социально-исторических реалий, критическому анализу которых посвящены последние две трети этого трактата. Речь идет о реалиях современного «западного общества», «западного сверхобщества», «западной цивилизации», «западной сверхцивилизации», «глобального человейника», «глобализации» и всего, что с ними так или иначе связано.

Надо заметить, что смещение фокуса внимания Зиновьева с критического анализа советского общества, «коммунизма как реальности» на критический анализ западного общества и феномена «западнизма» во всех его ипостасях произошло в середине 1980-х гг. — с началом горбачевской «перестройки». О мотивах этого перелома в творчестве Зиновьева есть разные мнения. На наш взгляд, ведущим мотивом было глубокое патриотическое чувство русского человека, ветерана Великой Отечественной войны, прежде малозаметное, поскольку скрывалось за едкой критикой коммунистического режима СССР. Мы полагаем, что Зиновьеву стало «обидно за державу». До 1985 г., начиная с «Зияющих высот», да и позднее он написал о коммунизме, о характере советского народа, о советском (русском)

¹⁰ Зиновьев использует этот термин, чтобы отличать советского человека в идеальном образе коммунистической идеологии от советского человека в реальности. В СССР «поощрялись самые лучшие качества — честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность Родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т. д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами — дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и тому подобного. И это не было лицемерие. *Органы власти, деловые коллективы, школа, общественные организации и идеологические учреждения прилагали титанические усилия, чтобы сделать людей и целые народы именно такими, сделать их своего рода коммунистическими ангелами.* Если бы это не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, не победил бы в войне 1941–1945 гг. Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты» [6, с. 203] (курсив наш. — А. М.).

человеке так много, что в «Логической социологии», одной из своих поздних работ, вероятно, не счел нужным повторять ранее написанное. Анализ существа той угрозы, что в очередной раз нависла с Запада над его родиной, был для него в конце XX — начале XXI в. куда важнее.

Говоря об отличительных чертах «западоидов», Зиновьев специально проговаривает методологию своей идеальной типизации. Эти черты «...не присущи каждому из них по отдельности. Они “растворены” в массе их. Люди западоидного типа и качества западоидности встречаются у всех достаточно больших и сравнительно развитых народов. Но у западных народов процент людей с качествами западоидов и концентрация “раствора” западоидности выше, чем у других народов, причем величина этого “выше” оказалась достаточной, чтобы образовать качественное отличие» [6, с. 152] (курсив наш. — А. М.).

Понятие «западоид» впервые появляется в «Логической социологии» в главе «Западнистское сверхобщество»¹¹. Термин «западнизм» — производное от понятия «западоид». «Словом “западнизм” я называю социальный строй современных стран западного мира», — пишет Зиновьев [6, с. 151]. К числу этих стран он относит США, Францию, Германию, Англию, Италию, Канаду, Австралию, Австрию, Бельгию и другие западноевропейские страны. Автор не считает корректным называть социальный строй этих стран словами «капитализм» и «демократия», потому что, по его мнению, слово «капитализм» характеризует эти страны лишь с точки зрения экономики, да и то односторонне, а слово «демократия» обозначает лишь одну из сторон политической системы этих стран. К тому же — тут он делает оговорку как логик — эти слова стали многозначными идеологическими выражениями, утратив значения научных терминов. «Реальный социальный строй современных западных стран содержит элементы капитализма и демократии, но не сводится к ним» [6, с. 152].

В этом важнейшем месте «Логической социологии» вступает в игру третий социально-антропологический тезис, согласно которому не только социальная организация (общественный строй) определяет качество «человеческого материала», характер народа, но и, наоборот, качество «человеческого материала», характер народа определяют социальную организацию (общественный строй). «Общества западнистского типа сложились и завоевали лидирующее положение в человечестве благодаря усилиям народов западноевропейских. При этом более или менее одновременно сформировались французы, немцы, англичане, итальянцы и другие народы. Они сформировались в составе единой западноевропейской цивилизации. У них выработались сходные черты, позволяющие говорить о народах и о людях западнистского типа. Назовем их западоидами» [6, с. 152] (курсив наш. — А. М.).

Вот как Зиновьев характеризует качества «западных народов (народов из “западоидов”»): «Повышенная склонность к индивидуализму. Высокий интеллектуальный и творческий уровень (сравнительно с другими народами, конечно). Изобретательность. Практицизм. Деловитость. Расчетливость. Конкурентоспособность. Авантуристичность. Любознательность. Эмоциональная черствость. Холодность. Тщеславие. Повышенное чувство собственного достоинства. Чувство превосход-

¹¹ Как социологическое понятие «западоид» впервые используется Зиновьевым в трактате «Запад. Феномен западнизма» (1993).

ства над другими народами. Высокая степень самодисциплины и самоорганизации. Стремление управлять другими и способность к этому. Способность скрывать чувства. Склонность к театральности. Почти все они в той или иной мере побывали в роли завоевателей и колонизаторов» [6, с. 152] (курсив наш. — А. М.).

Последняя констатация нуждается в пояснении. Завоеватели и колонизаторы, чтобы таковыми быть, должны по натуре своей обладать *агрессивностью, склонностью к внешней экспансии*. Такие качества требуют авантюристического, хищнического видения и осмысления мира. Вспомним, что об образе мыслей европейцев честно написал Э. Трёльч: «В европейском мышлении всегда присутствует завоеватель, колонизатор и миссионер» [13, с. 608]. Но каким образом сформировался тип «западоида»? Зиновьев возвращается к своему второму социально-антропологическому тезису, конкретизация которого включала понятие «искусственный отбор». Это аналог дарвиновского «естественного отбора», понимаемый как процесс, происходящий на сверхбиологическом уровне: одновременно социетальном и культурно-историческом. Смысл этого понятия, прежде казавшийся абстрактным, теперь наполняется конкретным содержанием.

«Упомянутые свойства существовали у предков западоидов в виде каких-то природных задатков, — пишет Зиновьев. — *Люди с такими задатками оказались жизнеспособными*. Со временем число их росло. Они становились примером для других, культивировали эти свойства у своих детей. Эти свойства доказывали свою полезность и выгодность для отдельных людей и их объединений в целом. Происходил процесс, подобный выведению культурных растений и животных. Только тут активными деятелями процесса были сами выводимые существа. Потом вступили в дело средства воспитания, образования, обучения, идеологии, пропаганды, культуры. Они сделали селекционный стихийный процесс сознательным и целенаправленным. В результате сформировался человеческий материал, благодаря которому западная цивилизация стала самой значительной в истории человечества, породила самые высокоразвитые общества и заняла лидирующее положение в современном эволюционном процессе человечества» [6, с. 153] (курсив наш. — А. М.).

Здесь в «логической социологии» происходит принципиально важная концептуальная трансформация, которая влечет за собой также понятийную метаморфозу: социально-антропологическая тема превращается в *геополитическую и политически-идеологическую*. Противопоставление западного «человеческого материала» («западоидов») советскому и постсоветскому «человеческому материалу» («homo soveticus») трансформируется в противостояние Запада и Советского Союза, в их идейно-ценностное противоборство и, как считал Зиновьев, катастрофическое поражение СССР в холодной войне. Вместе с тем социально-антропологическая тема получает *мировоззренческо-ценностное, философско-историческое* звучание. В нем слышны не только отголоски исторического прошлого с его войнами, но и зловещие отзвуки событий новейшей истории — последовавшее за распадом СССР уничтожение в постсоветской России коммунистического строя и насаждение «колониальной демократии».

Характеризуя «западоида» как более жизнеспособного социально-антропологического типа, одержавшего по факту истории победу над «гомососом», Зиновьев одновременно пытается осмыслить не только социально-психологические

корни «горбачевизма» и «катастройки»¹², но и заглянуть в историю народов Запада и России, где проявлялись их характеры. Но там ученый-атеист не находит для себя ничего утешительного, того, что вселяло бы в него надежду на возрождение России и русского человека. Остаются лишь ностальгия по советскому прошлому («Я считаю советский период вершиной российской истории» [8]) и горечь от его утраты, которая выражается в пессимистической оценке будущего родной страны.

С социологической точки зрения будущее России уже предопределено чуть ли не на век вперед тем антикоммунистическим переворотом, который произошел в горбачевско-ельцинские годы, писал Зиновьев в 2002 г. Вследствие него «... Россия была сброшена с вершины эволюционного прогресса на уровень страны третьестепенной важности, обретенной плестись в хвосте торжествующего глобального западнизма или американизма. Никаких шансов стать лидером мировых сил, противостоящих западнистской глобализации, и даже вырваться из тенет этой глобализации в обозримом будущем у нее нет» [7, с. 4]. Что касается жизнеспособности Российской Федерации, то Зиновьев не питал в этом отношении никакого оптимизма: по его мнению, это «...социальный гибрид из обломков советизма, из подражания западнизму и из реанимации загримированных призраков дореволюционной России», который «был сляпан на скорую руку специально с таким расчетом, чтобы не допустить возвышения России на уровень державы, играющей первостепенную роль в дальнейшей эволюции человечества. <...> В постсоветском гибиде слились воедино далеко не лучшие черты коммунизма, западнизма и феодализма, скорее — худшие» [7, с. 4].

Чем мотивировано убеждение Зиновьева в фатальной неизбежности плачевного будущего России? На наш взгляд, — верой в неотвратимость действия тех «социальных законов», которые им же самим и были *научно «изобретены»* (в понимании Зиновьева, «социальные законы» учеными не открываются, но именно «изобретаются»). В «Логической социологии» он доказывает, что «западоиды» рвутся к тотальному мировому господству посредством установления западнистской социальной организации («колониальной демократии») не потому, что они такие плохие, просто они не могут жить и действовать иначе, являясь своего рода заложниками собственного этоса и соответствующих их этосу новых типов социальной организации. «Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человечейник не ради каких-то абстрактных идеалов, а как к необходимому средству формирования и выживания западной сверхцивилизации. Для выживания на достигнутом ею уровне ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества» [6, с. 205]. Между тем «человеческий материал» современной России отнюдь не таков, считает Зиновьев, чтобы выдержать навязанную Западом агрессивную geopolитическую конкуренцию, в которой он готов пустить в ход любые средства для достижения своих целей.

Заключение

Социально-антропологическая тема в «логической социологии» Зиновьева может показаться второстепенной, поскольку находится в тени таких понятий, как «логическая обработка языка», «социальный атом», «социальные законы», «социаль-

¹² Названия публицистических работ Зиновьева.

ная организация». На самом деле она является важнейшей. Если указанные понятия образуют формальный структурный костяк социологической теории Зиновьева, то понятия «человейник», «человеческий материал», «качество человеческого материала», «характер народа», «западоид», «западнизм», «*homo soveticus*», «коммунальный индивид», «коммунизм» формируют ее содержательно-смысловую сердцевину. Четыре социально-антропологических тезиса, условно выделенные нами в результате анализа итогового социологического труда Зиновьева, представляют собой этапы «восхождения от абстрактного к конкретному» — шаги, которые он делает посредством метода, впервые апробированного им в молодые годы в кандидатской диссертации [1].

Конечно, чудесное превращение социально-антропологической темы в геополитическую и политически-идеологическую вызывает вопросы и сомнения. Ведь описания конкретных качеств «человеческого материала», характеров народов, геополитических трендов, актуальных угроз для России не могут претендовать на ценностную стерильность. И описания ли это вообще в строго научном смысле слова? На наш взгляд, они, скорее, претендуют на статус «социальных законов» (в понимании Зиновьева), имеющих отчасти сущностный, отчасти статистический характер. Между тем за ними стоит не только «отнесение к ценностям» — за ними просматривается личностная мировоззренческая позиция. Этот факт констатируют и другие авторы. Так, А.С. Ушаков пишет: «Изучая работы Зиновьева, нельзя отказатьься от мысли, что вся социология не более чем элемент личного высказывания автора, который не прячется за заявленной нейтральностью высказывания социологического. Такая индивидуализация социологической теории проявляется в разных аспектах. Почти всегда в ее основании лежит антропологический проект» [15, с. 145].

Что привело к скачку из ценностно-нейтрального царства логической необходимости в царство свободы отнесения к ценностям и даже оценочных суждений? Возможно, отчасти скачок объясняется стремлением автора собрать в форме компендиума, логически увязать и систематизировать свои идеинные наработки в одном суммирующем труде. Ведь ко времени написания «Логической социологии» все темы, которые в ней затронуты, в основном уже были раскрыты им в предшествующих трактатах¹³.

Мы вполне разделяем скептицизм Зиновьева в отношении новых российских реалий, сложившихся после государственного переворота 1991 г., но не разделяем его пессимизм в отношении будущего России. Причины последнего мы усматриваем в глубинных противоречиях его личности, которые типичны для многих постсоветских интеллектуалов.

Будучи русским человеком и патриотом родной страны, Зиновьев как личность сформировался в СССР, когда в нем господствовали навязанные большевиками западные (марксистские) идеи и ценности. Их ядром был научный атеизм. Зиновьев выбрал путь атеиста или — если воспользоваться выражением Л.В. Полякова — «...не то чтобы атеиста... атеизм — это примитивно, а выбрал путь веры в абсолют знания, в абсолют разума» [14, с. 175]. Став советским ученым-атеистом, воскресившим в себе энтузиазм и яростный дух эпохи Просвещения, Зиновьев осознал идеологический характер и теоретическую ограниченность

¹³ «Коммунизм как реальность» (1980), «Кризис коммунизма» (1990), «Запад. Феномен западнизма» (1993), «Глобальный человейник» (1997), «На пути к сверхобществу» (1998).

марксизма, однако сохранил верность западной мыслительной традиции, на которой был воспитан интеллектуально. Он сохранил ее даже после того, как в конце 1980-х и в 1990-х гг. разочаровался в Западе, ибо не смог обрести мировоззренческую альтернативу ни в русской религиозной философии, ни в духовной традиции русской национальной культуры. Отсюда его мировоззренческий пессимизм, а также не вполне сбалансированные, по нашему мнению, «описания» человеческих качеств «западоидов», с одной стороны, советских и, с другой — постсоветских людей.

Л.В. Поляков считает, что Зиновьев рискнул, наперекор известным словам Ф.И. Тютчева, понять Россию умом, и ему удалось-таки это сделать с помощью логики, то есть научно-рационально [14, с. 175]. Мы придерживаемся иного мнения. Это верно, что никто лучше Зиновьева не *описал* феномен коммунизма. Но разве *объяснил* он его абсолютно верно? Нет, едва ли. Можно ли согласиться с его логикой, исходя из которой русские, расставшись с коммунизмом, навсегда вычеркнули себя из истории? Нет. Разве не стоят за этим фаталистическим приговором ошибочные (поскольку полные) отождествления российского с советским и русского с коммунистическим? Но историческая Россия глубже и шире СССР, как и русский человек глубже и шире *«homo soveticus»*. Да и сам Зиновьев как личность всегда глубже и шире тех образов строгого ученого, которые создает в своих социологических трактатах. Об этом свидетельствуют его социологические романы, эссе, живописные произведения, стихи, в частности, стихотворная молитва Богу из книги «Зияющие высоты», которую цитирует Л.В. Поляков [14, с. 190–191].

С тех пор как Зиновьев ушел из жизни, минуло почти 20 лет. За это время наметилась тенденция к возрождению России как суверенного государства-цивилизации. В «Логической социологии» ученого не нашлось места — по крайней мере, системно обоснованного — для понятия «личность», для концепции «роли личности в истории». В социально-научных трактатах Зиновьева личность, как у Гегеля и Маркса, — всего лишь марионетка социально-исторических сил¹⁴. Рационалистическая (а следовательно, и чисто логическая) трактовка личности и ее роли в истории должна быть, наконец, отвергнута. В реальной истории России роль личности всегда была чрезвычайно велика, и наше время вовсе не исключение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Телефон: +7 (499) 120-82-57. Электронная почта: lo_zio@bk.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 128–145. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.7**

Research Article

ALEXANDER N. MALINKIN¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

¹⁴ Напротив, «социологические романы» Зиновьева переполнены анонимными личностями, ведомыми, как в кукольном театре, многоликой личностью самого автора.

THE SOCIAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT OF “LOGICAL SOCIOLOGY” BY A.A. ZINOVIEV: RECONSTRUCTION AND ANALYSIS

Abstract. The article reconstructs and analyzes the socio-anthropological aspect of “logical sociology” by A.A. Zinoviev (1922–2006). The main provisions of his socio-anthropological views are formulated in the form of four theses. The first, as a starting point in the construction of social theory, is the duality of the individual and society (“social atom” and “cheloveinik”). The second asserts the presence of each nation’s own special character. The third declares the two-way dependence of the character of the people and the social conditions of their life. The fourth proclaims the existence of two socio-anthropological types — “zapadoids” and “homo soveticus” — as the results of the development of two directions of the socio- and cultural-historical development of Western European civilization. In conclusion, the author expresses his own opinion on Zinoviev’s socio-anthropological views and on the reasons for his pessimism regarding the future of post-Soviet Russia.

Keywords: A.A. Zinoviev; cheloveinik; quality of human material; character of the people; socio-anthropological type; zapadoid; homo soveticus; communal individual; zapadnizm; communism.

For citation: Malinkin, A.N. The Social-anthropological Aspect of “Logical Sociology” by A.A. Zinoviev: Reconstruction and Analysis. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 128–145. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.7)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** lo_zio@bk.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФРАН, 2002. — 321 с.
Zinoviev A.A. *Ascent from the Abstract to the Concrete (Based on K. Marx’s “Capital”)*. Moscow: IFRAS publ., 2022. 321 p. (In Russ.)
2. Зиновьев А.А. Гомо советикус. Lausanne: L’Age d’Homme, 1982. — 199c.
Zinoviev A.A. *Homo soveticus*. Lausanne: L’Age d’Homme publ., 1982. 199 p. (In Russ.)
3. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. — 495 с.
Zinoviev A.A. *Communism as a Reality*. Moscow: Centerpoligraf publ., 1994. 495 p. (In Russ.)
4. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. — 461с.
Zinoviev A.A. *The West. The Phenomenon of Zapadnizm*. Moscow: Centerpoligraf publ., 1995. 461 p. (In Russ.)
5. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. — 638 с.
Zinoviev A.A. *On the Way to Supersociety*. Moscow: Centerpoligraf publ., 2000. 638 p. (In Russ.)
6. Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Социум, 2002. — 260 с.
Zinoviev A.A. *Logical sociology*. Moscow: Socium publ., 2002. 260 p. (In Russ.)
7. Зиновьев А.А. Постсоветизм // Завтра. 2002. № 5 (428). С. 4.
Zinoviev A.A. Post-Sovietism. *Zavtra*. No. 5 (428). P. 4. (In Russ.)
8. Зиновьев А.А. Александр Зиновьев о русской катастрофе. Из бесед с Виктором Кожемяко. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. — 240 с.
Zinoviev A.A. *Alexander Zinoviev on the Russian Catastrophe. From Conversations with Viktor Kozhemyako*. Moscow: Algorithm: Eksmo publ., 2009. 240 p. (In Russ.)
9. Кюстин А. де Николаевская Россия / [Пер. с фр. Я. Гессена и Л. Домгера; Вступ. ст., ред. и примеч. С. Гессена, А. Предтеченского]. М.: ACT; Хранитель, 2008. — 411 с.

- Kyustin A. de *Nikolaevskaya Russia*. Transl. from French; Ed. by S. Gessen, A. Predtechenskiy. Moscow: AST publ., Khranitel publ., 2008. 411 p. (In Russ.)
10. Малинкин А.Н. Ценности: может ли их изучать наука? К истории, теории и методологии вопроса // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 128–138. DOI: [10.31857/S0132162524040111](https://doi.org/10.31857/S0132162524040111) EDN: [QTWYRC](#)
Malinkin A.N. Values: Can Science Study them? On the History, Theory and Methodology of the Issue. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024. No. 4. P. 128–138. DOI: [10.31857/S0132162524040111](https://doi.org/10.31857/S0132162524040111) (In Russ.)
11. Поляков Л.В. Коммунистический антикоммунизм Александра Зиновьева // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-политических и экономических исследований, 2023. С. 75–88. DOI: [10.24030/24092517-2023-0-1-75-88](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-75-88) EDN: [OYFQJO](#)
Polyakov L.V. Communist anti-communism of Alexander Zinoviev. *Notebooks on Conservatism: Almanac. No. 1*. Moscow: Non-profit foundation — Institute of Socio-Political and Economic Research publ., 2023. P. 75–88. DOI: [10.24030/24092517-2023-0-1-75-88](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-75-88) (In Russ.)
12. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллин: Schildex, 1998. — 540 с.
Rozenberg A. *Myth of the XXth Century. Assessment of the Spiritual and Intellectual Struggle of Figures of Our Time*. Tallin: Schildex publ., 1998. 540 p. (In Russ.)
13. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. — 720 с.
Troeltsch E. *Historicism and its Problems. The Logical Problem of the Philosophy of History*. Transl. from Germ. Moscow: Yurist publ., 1994. 720 p. (In Russ.)
14. Триалог. Пониматели России: Достоевский, Бердяев, Зиновьев // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-политических и экономических исследований, 2023. С. 173–191. EDN: [FLYNCS](#)
Triologue. Understanding Russia: Dostoevsky, Berdyaev, Zinoviev. *Notebooks on Conservatism: Almanac. No. 1*. Moscow: Non-profit foundation — Institute of Socio-Political and Economic Research publ., 2023. P. 173–191. (In Russ.)
15. Ушаков А.С. Энтузиасты или фанатики? Некоторые аспекты антропологических проектов Зиновьева и Юма // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-политических и экономических исследований, 2023. С. 145–156. DOI: [10.24030/24092517-2023-0-1-145-156](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-145-156) EDN: [PVCDWQ](#)
Ushakov A.S. Enthusiasts or Fanatics? Some Aspects of Zinoviev and Hume's Anthropological Projects. *Notebooks on Conservatism: Almanac. No. 1*. Moscow: Non-profit foundation — Institute of Socio-Political and Economic Research publ., 2023. P. 145–156. DOI: [10.24030/24092517-2023-0-1-145-156](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-145-156) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 15.11.2025; принята к публикации: 20.11.2025.

Received: 15.08.2025; revised after review: 15.11.2025; accepted for publication: 20.11.2025.